

«Я – БИБЛИОТЕКАРЬ!»

Эссе

Моя солнечная библиотека

...Дом наш, помнится с детства, наводнен книгами: и родители, и сестры были вдумчивыми читателями, к чему приучили и меня. Книги лежали повсюду: на столах, в шкафах и на диванах; с засушенными между страниц цветками, с закладками — конфетными фантиками; зачитанные до желтизны и совсем новенькие, чудно пахнущие, с нетронутыми еще страницами. И каждая гипнотизировала: возьми меня, открой, прочитай. В голове моей непрерывно совершались подвиги, рушились башни, намечались всяческие волшебства — в младших классах мне часто доставалось за то, что витаю в облаках.

И, наверное, в конце-концов я сорвалась бы и улетела куда-нибудь, но руки-то неизменно тянули меня к земле, потому что каждый раз тащила из библиотеки книг по двадцать. И тотчас кидалась их читать, прячась от своих многочисленных родственников в тайном уголке сада, чтобы не приставали с домашней работой. Я и мои ровесники помним детство абсолютно счастливым, отчасти потому, что были «приручены» книгами и наши реалии дополнялись фантазиями и благими устремлениями после прочитанного. Читать для нашего поколения было так же естественно, как дышать.

***

Уже в первом классе я читала бегло, и мои старшие сестры, решив, что пора взрослеть, подарили мне на седьмой день рождения томики Лермонтова и Пушкина. С появлением этих книг жизнь моя наполнилась удивительными образами, которыми я болела и которым присочиняла свои черты.

Мне так и мерещилась бледная и худенькая царица Тамара, мелькающая в светящемся окне старинной башни, и Демон — весьма привлекательный, но очень грустный молодой человек с картины-иллюстрации Врубеля. В старинной башне Тамара порхала, *«как ангел небесный»*, но чего-то ей, видимо, не хватало, потому-то она иногда бывала *«коварна и зла»*. Собственно, я ее понимала: сама иногда вела себя плоховато.

Помню, долгое время я была убеждена, что Лермонтов — настоящий детский писатель. *«Печальный Демон, дух изгнанья, летал над грешною землей»*, — нараспев декламировала я своим друзьям-первоклассникам и удивлялась, что они не знают таких простых стихов.

Что касается Пушкина, то и его я прочувствовала по-своему, а поэму «Руслан и Людмила» выучила почти наизусть. Здесь я влюбилась не в главных героев, нет, — меня напавал сразила Голова. Она, несмотря на такую непростую судьбу, разговаривала и вообще жила почти полноценной жизнью. Я пробовала не шевелить руками, ногами, пытаюсь представить, что у меня их нет, но получалось как-то не очень.

Сейчас мне думается, что Пушкин и Лермонтов, «явившись» на мой первый школьный день рождения, подтолкнули меня много лет спустя к выбору «книжной» профессии.

***

...Как ни силюсь, лица своего первого библиотекаря вспомнить не могу — ни имени, ни голоса. Но и по сей день отчетливо ощущение, которое испытала в маленькой, древней, как сказочная лубяная избушка, местной библиотеке: мне было хорошо.

Скорее всего, ее негромкая хозяйка была хорошим библиотекарем. Может, потому что не лезла с нравоучениями; и не навязывала, а так, потихонечку, подвигала хорошие книги поближе. А однажды даже подарила мне списанную книгу «Летающие сказки» Владислава Крапивина, чем несказанно меня осчастливила.

...А сегодня, склоняясь над библиотечной кафедрой, я сама наблюдаю за детьми. Думаю, кто-то из школьников, завсегдатаев библиотеки, не запомнит моего лица. Но разве это важно? Главное, чтобы им, как и мне когда-то, здесь было хорошо.

Процесс приобщения к чтению деликатный. Это процесс секретничания, «щека к щеке», возможный только на волне высокого доверия. Потому библиотекарь должен быть предельно искренним. Вчера я поддакивала старшекласснице, что читать «Войну и мир» и мне когда-то было неинтересно: поначалу приходилось пропускать войну и выискивать мир. Но это не совсем потому, что я не выросла. Романы-эпопеи – не постраничные вещи, от них важно общее ощущение, атмосферность, их надо читать сразу много, а не так рвано-фрагментарно, как обычно случается в школе.

Я призналась девочке, что перед поступлением в институт изрядно покорпела над страницами «Войны и мира» по ночам – был совсем другой результат. Вот тогда мне довелось ощутить почти физически, как горела Москва, даже сизый запах дыма стоял в комнате – до мурашек. Я видела мокрые от слез глаза Пьера Безухова за толстыми линзами, и, словно в голографическом изображении, – хвост огненной кометы 1812 года.

Школьница мне пообещала, что когда-нибудь найдет время на все четыре тома. Может, в каникулы, может, сразу по окончании школы. Я была честна с ней, надеюсь, и она сдержит свое слово.

С некоторых пор я заметила, что многие родители, приходя с детьми, берут книги для них и боятся спрашивать книги для себя, как будто стыдятся – просто забыли, как это делается. В этом случае деликатность библиотекаря и пристальная, почти врачебная наблюдательность способны вывести каждого «пользователя» на разговор и обратить в «читателя».

...В моей библиотеке работают хорошие люди. Они умеют вести диалог. Чтобы человек расслабился, стал самим собой. Захотел дружить. Спорить. И даже вместе – плакать (мы предлагаем и такие книги, мы уверяем: они не вредные, хотя современные люди скупятся на эмоции). Иногда я прошу читателя что-то посоветовать мне. Сообщаю по секрету, что библиотекари не все прочитывают «от корки до корки», а мне было бы интересно вот так, наоборот, узнать, что затронуло вас.

Уникальны в нашей стране не только библиотекари, но и читатели. Несмотря на то, что бешено меняется мир, большинству их них, как и в былые времена, недостаточно взять книгу, они хотят сердечных бесед о своих детях и проблемах на работе. Отработать во вторую смену в библиотеке – значит, провести вечер со своей большой библиотечной семьей.

...Признаюсь, мне одинаково дороги все, кто приходит за книгами: и старики, с их капризами и придирчивостью, и дети, которые смешат нас, библиотекарей, спрашивая то книги поэта «Чучева», то «Песнь о вещем олене», и студенты, тем, что нагружают нас неслыханными запросами. Все они не дают нам очерстветь, механически выполняя свою работу.

***

...В моей библиотечной круговерти мне помогают любимые литературные герои. Некоторые из них со времен моего детства состарились, одряхлели. Страна отправила их на пенсию еще в постсоветский период, а некоторые, напротив – живее всех живых.

Частенько я вспоминаю своего старого друга Тома Сойера, и вот по какому поводу. Этот обаятельный мальчуган – не только большой оптимист, но и блестящий пиарщик собственного дела. Помните, как он красил забор?

Вот и один из моих принципов – несмотря на все «библиокатаклизмы», говорить о своей профессии только хорошо, только в превосходной степени. И у меня это, кажется, получается. Но, в отличие от Тома, я не лукавлю.

Или еще один мой старый приятель – Дон Кихот Ламанчский, наивный романтик, который когда-то принял ветряные мельницы за великанов и вступил с ними в бой.

Я, наученная его горьким опытом, не борюсь с мнимыми врагами, не доказываю, что библиотека круче заваленного сомнительным мусором Интернета, просто стараюсь хорошо делать свою работу, и пусть человек сам решает, где ему восполнить дефицит человеческого общения, кому довериться. Библиотека, в моих глазах, – не панацея, а лишь альтернатива «одиночеству в сети». Но если читатель в качестве своей «вселенной» все же выберет Интернет, я покажу ему свои «созвездья» – электронные журналы и литературные порталы, на которые частенько заглядываю.

...Своих друзей, разлетевшихся по всему миру, я расспрашиваю, как у них там живут знакомые библиотекари. И не чувствую в ответ никаких особых эмоций: обычные служащие со средней зарплатой, добросовестно выполняют свою работу...

У нас в России библиотекарь – больше, чем библиотекарь. И чем дольше работаешь, тем больше ощущаешь себя «песчаной учительницей», героиней Андрея Платонова.

Бывает, вкалываешь сутками, не в силах объяснить близким, почему тебе больше всех надо, а твои «замки из песка» будто и не видны. Один проект сменяется другим, спонсорские деньги заканчиваются, книжки ветшают, культовые герои выходят из моды, классика залеживается, а наводнившие фонды «мыло» достойно огромного костра инквизиции. Вырастают читатели-дети, и вот уж некому играть главные роли в твоём библиотечном театре. Но ты свято веришь, что их души тобой «приручены» и когда-нибудь обязательно вернуться в библиотеку на свое «насиженное» место. И тогда твоя жизнь обретает смысл.

...Порой, поглядывая на неутомимых коллег, убеждаешься: если бы не «песчаные учительницы», которые могли бы «заведовать целым народом», вся наша многострадальная культура давно бы развалилась.

***

Чтение всегда занимало важное место в моей жизни, но я не предполагала, что стану библиотекарем. Работала в редакции, в гимназии, но только когда устроилась в библиотеку, поняла: я дома. И оба моих образования — литературное и педагогическое — здесь при деле.

За время моей библиотечной работы в общественной жизни страны многое изменилось. Шкаф с книгами перестал быть для семьи культовым предметом, богатством, о котором заботятся, которое преумножают и наследуют, его место в системе ценностей занял Интернет. Сегодня культура экранная пытается подменить культуру книжную — то враждуя с ней не на жизнь, а на смерть, то сливаясь в новом качестве: в фильмах, мюзиклах, компьютерных играх. Сначала — фильм; потом, в лучшем случае, возникает потребность прочитать книгу, по которой прошла экранизация. Мы, библиотекари, всегда рады таким запросам и стараемся немедленно увеличить экзemplярность первоисточника-книги, чтобы удержать ее массового читателя. Приток читателей из числа телезрителей в настоящее время увеличился, что подталкивает нас быть в курсе кинематографических новинок.

К сожалению, кричаще-яркое, неглубокое, легкодоступное позволяет своим «творцам» заработать немалые деньги, поэтому интеллектуальный продукт, заставляющий думать,

вытесняется с рынка адептами массовой культуры. Увлечение примитивными компьютерными играми все чаще называют наркотическим.

«Друзьями» наших детей становятся компьютерные человечки, не умеющие анализировать и сопоставлять; человечки, которыми управляют, которых одевают, обувают, выгуливают в райском саду. Наша действительность рискует заполниться такими же человечками — условно-схематичными, пассивными, а порой и агрессивными, не способными нести ответственность за свои поступки.

Дети, читающие книги, учатся сопереживанию. Дети, играющие в компьютерные игры, коротают досуг в мире готовых шаблонов. Конечно, не во власти библиотекаря контролировать все современное информационное поле, выделив в нем безопасную зону — «добро» и заблокировав «зло». Но каждый из библиотекарей способен оздоровить пространство вокруг себя, сделать его обитаемым, привлечь, увлечь, заразить своей энергией разумного созидания.

Как и много лет назад, я считаю основной своей миссией не наращивание «контрольных показателей» работы за счет сопутствующей деятельности: праздников, шоу, акций, а открытие в человеке читателя; «сканирование» его душевного состояния и помощь в выборе книги. Моя библиотека не бывает пустой, мало того, как в старые добрые времена, в обеденные и вечерние часы в ней — очереди. У меня читающая семья. Ко мне домой за книгами приходят соседи и друзья. Я предлагаю своим знакомым литературные новинки из личной библиотеки, которую постоянно пополняю.

Работа библиотечного сотрудника, по моему убеждению, должна определяться количеством читателей, привлеченных лично. Это и есть главный показатель значимости библиотекаря, его вклада в продвижение чтения.

...Сейчас у меня две библиотечные работы в городах Заречном и Пензе: заведующей и литературного редактора. Два клуба прозаиков при библиотеках в разных городах (подобные объединения в России — редкость. Поэты «клубятся», прозаики — нет). У меня есть свой проект по организации летних площадок для чтения, над которым приходится много работать. Но я не чувствую усталости, потому что я и библиотека — это сообщающиеся сосуды: я отдаю работе свое вдохновение, а она наполняет меня радостью творчества.

Много лет я сочиняю стихи и сказочные истории. Их печатают в России и далеко за ее пределами — в Германии, США, Канаде. В прошлом году моя миниатюра про читающее дерево получила высокую награду в известном международном конкурсе. Если кто-то захочет узнать обо мне больше, то я обитаю на страничке сайта «Литсовет» http://www.litsovet.ru/index.php/author.page?author_id=12160. Сегодня я и библиотекарь, и редактор, и руководитель клубов, и поэт, и прозаик — вот так за десять лет все срослось, переплелось во времени и пространстве.

***

...В нашей маленькой и очень уютной Библиотеке семейного чтения почти нет стен, вместо них — стекла, стекла... сквозь которые видны двор, в котором мы недавно проводили «Арт-субботник», городской парк, где в «Пушкинский день» гулял наш библиотечный Кот ученый, а сейчас работает читальный зал под открытым небом, и еще видны дворы, куда в ближайшее время отправится наша выездная библиотека, чтобы пригласить детей и взрослых.

Вон там (мысленно хозяйничаю я уже в соседнем дворе) мы поставим свой столик: недалеко песочница, в ней всегда много малышей, они первыми потянутся за книжками. Напротив подъезда встанет наша выставка с журналами, и это не просто так: рядом прилепилась лавочка, на которой сидят местные бабушки, — они-то моментально расскажут всему дому про чудо-чудное, диво-дивное: во двор приехала библиотека. Да что там библиотека! — маленький праздник, в котором героями будут они сами, жильцы

большого дома: почитают вслух, поиграют, разговаряются, чтобы потом, в повседневной жизни, стать внимательнее и добрее друг к другу.

Когда мы, таинственные библиотечные люди, щурясь, выходим с книгами на улицы, это выглядит эпатажно, но проверено: работает безотказно.

Дети уважают смелых взрослых и приходят записываться в библиотеку. Так что моя солнечная библиотека со временем будет в каждом дворе, в каждом садовом уголке нашего небольшого зеленого города.